

Р 46
МІІ

ВИЗАНТІЙСЬКІЙ ІДЕАЛЪ ЦАРЯ И ЦАРСТВА

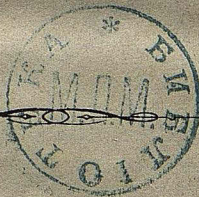
И ВЫТЕКАЮЩІЯ ОТСЮДА,

ПО СРАВНЕНІЮ ЕГО СЪ ИДЕАЛОМЪ ЦЕРКВИ,

ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ ЦЕРКОВНОЮ И ГРАЖДАНСКОЮ ВЛАСТІЮ.

(Рѣчь, произнесенная 4 іюня 1881 г. предъ защитою докторской диссертаціи: «Отношенія между церковною и гражданскою властію въ византійской имперіи». Казань. 1880 г.).

О. Курганова.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1881.

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИДЕАЛ ЦАРЯ И ЦАРСТВА

И ВЫТЕКАЮЩАЯ ОТЮДА, ПО СРАВНЕНИЮ ЕГО СЪ ИДЕАЛОМЪ ЦЕРКВИ,
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЦЕРКОВНОЮ И ГРАЖДАНСКОЮ ВЛАСТЮ.

(Речь, произнесенная 4 июня 1881 г. предъ защитою докторской диссертациа:
„Отношенія между церковною и гражданскою властью въ византийской имперіи“.
Казань, 1880 г.).

Пресвященнѣйшій Владыко, М. Г—ри и М. Г—ни!

Въ настоящій разъ я взомель на эту кафедру для того, чтобы быть судиму... въ своихъ ученыхъ трудахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, чтобы самому судить. Я самъ напросился на этотъ судъ, — съ одной стороны въ виду неизбежности рано или поздно подвергнуться ему по силѣ дѣйствующаго академическаго устава, а съ другой — въ сознаниі долга — по праву этой обрести милой и дѣловой по...

КНИГА ИМЕЕТ.

0/н.

Мечать. Листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служеб. №№	№№ силекса и порядковъ	1948 г.
2		1881				шт. 264	4779	

кающемся на каждомъ шагѣ, стыдиться суда опытныхъ? если *и дуси пророчестіи пророкомъ повинуются* (1 Кор. 14. 32), то мѣ ли, при сознаніи своей слабости, не подчиниться болѣе основательному воззрѣнію (разумѣется, если оно окажется) глубоко-ученыхъ своихъ судей? И такъ, въ чемъ же дѣло? Каковъ предметъ предстоящаго суда? Постараюсь изложить, если не всесторонне, то, по крайней мѣрѣ, возможно короче.

Византія и все, такъ или иначе вытекающее изъ Византіи или прикосновенное къ ней, не пользуется сочувствіемъ ученыхъ. Какъ католическіе, такъ и протестантскіе писатели, во всякихъ другихъ случаяхъ обыкновенно широко расходящіеся между собою во взглядахъ, въ этомъ отношеніи однакожь удивительно согласны. Общій взглядъ ихъ на духовное состояніе Византіи и вообще всего востока состоитъ въ томъ, что они представляютъ это состояніе въ формѣ злаго начала, въ постоянной борьбѣ съ которымъ развивалось и продолжаетъ развиваться доброе начало запада. Византія—это—„безформенное, не подлежащее никакому броженію, оцѣпенѣніе“, а западъ — „мірообразующій, движущійся жизненный принципъ“. Такимъ образомъ Византія и западъ, если примѣниться къ воззрѣнію философовъ, это—безформенная, косная матерія съ одной—и мірообразующія идеи или чистыя формы бытія съ другой стороны; это—двѣ необходимыя пары или стороны одного и того же міроваго процесса. Къ такому именно дуалистически-философскому принципу и стараются подвести исторію Византіи и запада въ ихъ взаимоотношеніяхъ. Ви-

зантійское императорство въ этой исторіи играетъ первенствующую роль: оно собственно и есть мрачное опѣняющее начало, приводящее все къ состоянію безформенности и летаргіи; оно, по возрѣнію католиковъ, ограждало собою ереси и честолюбіе священниковъ, въ борьбѣ съ которыми развивалось папство, этотъ, по ихъ мнѣнію, жизненный и вливающий во все жизнь божественный институтъ; подъ удушающимъ вліаніемъ императорства восточная церковь, по возрѣнію какъ католиковъ, такъ и протестантовъ, потеряла духъ, жизнь, чувство истины, и впала въ безысцѣльное и потому вѣчное состояніе летаргіи и окамененія. Наша русская и въ особенности журнальная — свѣтская литтература восприняла этотъ взглядъ западныхъ ученыхъ полностью, но именно — только взглядъ, послѣдній выводъ, крайнее сужденіе, безъ критической провѣрки основъ, по которымъ оно сдѣлано. Когда у насъ стараются осудить какое-нибудь явленіе, какъ достойное омерзенія, то обыкновенно считаютъ достаточнымъ обозвать его „византійскимъ“, „византизмомъ“, похожимъ на византійство, или даже только кивнуть на Византію, чтобы считать дѣло уже поконченнымъ. Вообще, „византійцы“ по словамъ одного изъ современныхъ греческихъ историковъ — Папарригопула, доселѣ считаются стоящими внѣ законовъ народной правды, какъ народъ и держава, противъ которой свободно могутъ быть направлены всѣ военные корабли исторіи и на которую можно сдѣлать нашествіе, чтобы безапелляционно бросить всякое хульное и ругательное наказаніе“.

Этому мрачному взгляду на Византію вообще и византійское императорство въ частности рѣзко противостоитъ другой взглядъ, теперь уже почти забытый, — взглядъ церковныхъ писателей изъ самой византійской іерархіи и потому по справедливости долженствующій быть названнымъ старо-церковнымъ или византійскимъ. Такъ патріархъ Антоній IV (1389—1397) писалъ къ русскому великому князю Василю Дмитріевичу о значеніи императоровъ въ дѣлѣ утвержденія и сохраненія Христовой вѣры: „святой царь имѣетъ великое значеніе (*πολὺν τόπον*) для церкви; онъ не то, что другіе князья и мѣстные владѣтели. Потому что отъ начала (*ἀπ' ἀρχῆς*) цари утверждали благочестіе для всей вселенной; цари собирали вселенскіе соборы; они утвердили и узаконили соблюдать тѣ опредѣленія относительно правыхъ догматовъ и христіанской гражданственности, о которыхъ гласятъ божественные и священные каноны; они много ратовали противъ ересей; царскія распоряженія вмѣстѣ съ соборными установили первенство кафедръ архіереевъ, раздѣленіе ихъ епархій и распредѣленіе округовъ. Поэтому они пользуются великою честью въ церкви и занимаютъ въ ней высокое положеніе. Ибо, хотя, по Божію попущенію, невѣрные и стѣснили власть царя и предѣлы имперіи, однакожь и до сего дня царь поставляется церковію по тому же самому чину и съ тѣми же самыми молитвами (какъ и прежде), и до сего дня онъ помазуется великимъ муромъ и поставляется царемъ и самодержцемъ всѣхъ ромеевъ, т. е. всѣхъ христіанъ. Повсюду, гдѣ только на-

ходятся христіане, имя царя воспоминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, чего никогда не удостоивался никто изъ другихъ князей или мѣстныхъ властителей“ (1).

Оба эти взгляда опираются на данныя исторіи, которыя, нужно замѣтить, обилуютъ въ этомъ отношеніи исключаящими друга противоположностями, — такъ что, если слѣдовать методу *ad hominem*, т. е. подбирать кажушіяся одинаковыми свидѣтельства тѣхъ или другихъ отцевъ и писателей церкви и, по-видимому, однородные факты, то, на первый взглядъ, почти съ одинаковою убѣдительностію можно доказывать и то и другое. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны мы встрѣчаемъ массу такихъ разсужденій и мнѣній, что священство безмѣрно превосходитъ императорство; что подчиняться должны императоры священникамъ, а не наоборотъ — не священники императорамъ; что епископы должны произносить судъ о императорахъ, а не императоры о епископахъ; что императорское право отнюдь не простирается на дѣла божественныя; что императоры должны знать только свои дворцы, войска и т. д., церкви же предоставить священникамъ (2); что незаконныя вмѣшательства императоровъ въ дѣла церкви, вмѣсто умиренія, производятъ одни лишь смуты и безпорядки, и т. п. „Перестань, — обыкновенно говорили епископы тому или

(1) Acta patr. Constantinop. II, p. 190.

(2) Migne, Patr. curs. compl. t. XVI, ser. lat. col. 999—1001; 1003—1005; 1018; 1176—1177; t. XVII, col. 569—570.

другому императору въ подобныхъ случаяхъ, — умоляемъ тебя, вспомни, что и ты человекъ смертный, убойся дня суднаго, сохрани себя на оный чистымъ. Не вступайся въ дѣла существенно церковныя, и не давай намъ приказаній объ оныхъ; а лучше принимай ученіе отъ насъ. Тебѣ вручилъ Богъ царство, а намъ ввѣрилъ дѣла церкви. Какъ восхищающій себя твою власть противорѣчить учредителю Богу: такъ бойся и ты, чтобы, захватывая въ свои руки церковныя дѣла, не подпасть ответственности въ тяжкой винѣ. Написано: *воздадите кесареви, кесареви; и Божію, Богови* (Мѡ. 22, 21). Посему, какъ намъ не позволено властвовать на землѣ, такъ и ты, царь, не имѣешь власти приносить кадило“ (¹). Подобнымъ же языкомъ говорили императорамъ и еретики и схизматики, когда это требовалось обстоятельствами (²). Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ и такія соборныя и отеческія разсужденія, что „изъ того, что возбуждено въ святѣйшей церкви, ничему не надлежитъ быть вопреки мнѣнію и повелѣнію императора“ (³). На основаніи этого и отцы и соборы обращались къ императорамъ съ усерднѣйшею просьбою, моленіемъ и даже съ заклинаніемъ ихъ всѣмъ священнымъ — во-

(¹) Послан. св. Аван. къ пустыни. въ Твор. св. Ас. ч. 2, стр. 119.

(²) Suidas, *Λεβντιος*. Optatus Milevit., de schism. Donatist. l. III. c. 3: Quid est imperatori cum ecclesia? отвѣтилъ глава секты, Донатъ еп. караг. (великій), императорскимъ уполномоченнымъ на ихъ требованіе—войти въ единеніе съ католическою церковію, какъ этого желалъ императоръ.

(³) Harduin., t. II. col. 1261.

дворить „обычнымъ благочестивымъ предписаніемъ“ миръ въ церкви; утвердить православіе; оградить истинную Христову вѣру, въ охраненіи и соблюденіи которой заключается и спасеніе государства, и полученіе всякихъ другихъ благъ; обуздать еретиковъ; отмѣнить все ихъ постановленія и объявить ихъ какъ бы несуществующими. Подобныя просьбы, мольбы и заклинанія обращали къ императорамъ, и почти въ однихъ и тѣхъ же словахъ, т. е. по принятой формулѣ, какъ православные, такъ и еретики, и притомъ — большею частію въ одно и то же время ⁽¹⁾. Равнымъ образомъ, и въ отзывахъ разныхъ писателей объ одномъ и томъ же императорѣ мы встрѣчаемъ крайнія противоположности, взаимно исключаютія другъ друга. Одного и того же христіанскаго императора одни изъ писателей называютъ „врагомъ Христовымъ“, „жесточайшимъ изъ всѣхъ жестокихъ“, „преступнѣйшимъ изъ смертныхъ“ ⁽²⁾, между тѣмъ какъ другіе — создателемъ церквей, чтителемъ угодниковъ Божіихъ, „боголюбивѣйшимъ“, христіолюбивѣйшимъ изъ царей и человеколюбивѣйшимъ“ до того, что „онъ ради благочестія, изъ любви къ ближнимъ, за ихъ спасеніе“ готовъ былъ отдать „даже самую державу, цѣлый міръ и свою душу, которая всякому всего дороже“ ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Дѣян. всел. собор. Казань, 1859. т. I. стр. 471—472; 790; 889 и друг. Послан. св. Аеан. къ пустыни. въ Твор. св. Аеан. ч. 2. стр. 85. 102. 108. 115. 127 и др. Optat. Milev. l. I. c. 22. 23. l. III. c. 4.

⁽²⁾ Иларій, въ книгѣ противъ Констанціи.

⁽³⁾ Филосторгій, кн. III, отр. 2. Твор. св. Григ. богосл. Москва, 1843 г. ч. 1. стр. 97—98. 105—109. 192—194. въ обл. сл. на царя Юліана.

Случается, что одинъ и тотъ же писатель, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, прилагаетъ къ тому или другому императору одобрительныя и похвальныя наименованія, между тѣмъ какъ въ другомъ—того же самаго императора всячески порицаетъ и хулитъ. И подобное, такъ сказать, двойственное отношеніе къ императорамъ со стороны однихъ и тѣхъ же лицъ усматривается въ сочиненіяхъ не только такихъ писателей, загадочныхъ и сомнительной чистоты, какъ Прокопій кесарійскій, но даже и такого высокоуважаемаго отца церкви, какъ Аѳанасій великій. Такъ напр., въ „посланіи къ пустынникамъ“ онъ называетъ Констанція „безбожнымъ“, „злочестивымъ“, „немилосерднымъ“, „Ахавомъ“, „Валтасаромъ“, между тѣмъ какъ въ защитительномъ посланіи къ самому Констанцію величаетъ его „боголюбивѣйшимъ“ и „человѣколюбивѣйшимъ Августомъ“, „правдолюбивымъ“, „правосуднымъ царемъ“, „царемъ боголюбивѣйшимъ“ и „служителемъ Христа“, и въ доказательство того, что онъ, Аѳанасій, даже и не можетъ злословить его, царя Констанція, привелъ слова Премудраго, которыя онъ, по его собственнымъ словамъ, до того „еще не обезумѣлъ, чтобы забыть“:

и въ совѣсти твоей не клени царя; и въ клети ложницы твоея не клени богатаго: яко птица небесная донесетъ гласъ твой, и имѣяй криль возвѣститъ слово твое (Еккл. 10, 20). Что же касается самыхъ дѣяній императоровъ, патріарховъ и другихъ, дѣйствующихъ въ исторіи церкви, лицъ, то и они, эти дѣянія, въ томъ видѣ какъ ихъ передаютъ разные лѣтописцы, современные дѣйствующимъ имъ лицамъ, или живице

нѣсколько позднѣе ихъ, по характеру своему весьма различны и группируются разными писателями съ самыми противоположными цѣлями. Притомъ же, весьма многія событія обставлены легендами, которыя очень часто признаются за истинныя событія, какъ скоро имѣють видъ вѣроятности и соответствуютъ цѣлямъ того или другаго писателя.

Такимъ образомъ, дѣло историческаго изысканія является крайне спутаннымъ и сложнымъ, и, въ виду этой спутанности, представляющей на первый взглядъ даже не разрѣшимою, каждому, естественно, съ тревогою въ сердцѣ спросить: гдѣ же истина? и какимъ путемъ идти къ ней?... Вотъ мой взглядъ относительно этого.

Всякій фактъ, имѣющій историческое значеніе (ибо не все то, что случается въ мірѣ, имѣетъ историческое значеніе), являясь въ ряду другихъ дѣяній человѣческихъ какъ одно нераздѣльное цѣлое, въ существѣ своемъ заключаетъ двѣ, широко расходящіяся, стороны: общую и частную, индивидуальную, — объективную и субъективную. Исторію христіанской церкви составляетъ христіанство, или точнѣе и опредѣленнѣе: идея искупленія человѣческаго рода воплотившимся Сыномъ Божіимъ. Эта идея искупленія человечества, или тайна домостроительства (*μυστήριον οἰκονομίας*), рассматриваемая сама въ себѣ, какъ опредѣленный, совершившійся въ исторіи и продолжающій свое существованіе фактъ, составляетъ общую, объективную сторону въ исторіи церкви, а пониманіе этой идеи тѣмъ или другимъ историческимъ лицомъ

и сообразное этому пониманію дѣйствованіе этого лица, будетъ частною, индивидуальною стороною того или другаго совершившагося въ исторіи факта, или иначе—субъективною его стороною. При этомъ можетъ случиться, что пониманіе идеи христіанства тѣмъ или другимъ лицомъ можетъ быть адекватно самой идеѣ и неадекватно, и, въ случаѣ адекватности, проявленіе ея, или обнаруженіе въ дѣйствиі можетъ быть полнымъ, или же, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ — внутреннихъ ли, личныхъ побужденій или внѣшне сложившихся обстоятельствъ, можетъ уклоняться отъ нея. Далѣе: увѣковѣченіе совершившагося факта, передача его на память потомству можетъ быть сдѣлана или самими дѣйствующими лицами, въ формѣ ли оффиціальныхъ записей или посредствомъ другихъ подобныхъ памятниковъ, или же посторонними лицами, при чемъ они, эти постороннія лица, могутъ держаться одинаковаго съ дѣйствующими лицами пониманія идеи христіанства и неодинаковаго; могутъ быть очевидцами совершившихся историческихъ явленій, или же передавать о нихъ на основаніи слуховъ, разсказовъ и записей другихъ лицъ, бывшихъ въ свою очередь тоже или очевидцами разсказаннаго ими, или также слышавшихъ о томъ отъ другихъ, и т. д.; могутъ обладать качествами, которыя дѣлали бы ихъ способными передавать случившіяся въ исторіи событія, и могутъ не обладать ими. Отъ всѣхъ этихъ условій въ большей или меньшей мѣрѣ зависитъ передача того или другаго историческаго факта въ подлинномъ его видѣ, или же съ лич-

ными воззрѣніями сообщающаго о немъ писателя; съ ненужными подробностями и обстоятельствами; весьма часто небывалыми; съ разными легендарными наслоеніями, — словомъ — въ болѣе или менѣе извращенномъ, нерѣдко неузнаваемомъ его видѣ. Отсюда задача исторической критики должна прежде всего состоять въ томъ, чтобы очистить тотъ или другой историческій фактъ отъ разныхъ тенденціозныхъ и легендарныхъ его наслоеній и возстановить его въ подлинномъ его видѣ, и потомъ, когда черновая эта работа будетъ сдѣлана, при группировкѣ самыхъ событій въ ихъ взаимной связи и послѣдовательности, необходимо отличать идею отъ ея проявленія, одушевляющій обшество и движущій его принципъ отъ пониманія его тѣми или другими историческими лицами и проявленія его во внѣ, идею саму въ себѣ отъ видовъ ея воплощенія и почвы, на которой она въ то или другое время воплощалась. Въ этомъ процессѣ исторической критико-художественной работы пониманіе идеала, представляющаго душу явленій и дающаго имъ жизнь, смыслъ и немимолетное значеніе, служить для историка руководственною нитью въ его аналитическихъ и архитектурныхъ работахъ, — факеломъ, при свѣтѣ котораго онъ производитъ очистку историческихъ фактовъ отъ чуждыхъ имъ наслоеній, даетъ каждому изъ нихъ надлежащую оцѣнку и созидаетъ изъ нихъ картину прошлой исторической жизни. Этимъ только объясняется, что одна кака-либо эпоха въ исторіи разрабатывается многократно съ разныхъ точекъ зрѣнія и каждый разъ — часто и подлинность

фактовъ, и относительная оцѣнка ихъ, и вслѣдствіе того самая картина изслѣдуемой эпохи представляются различными. Богатая западная литература, можно сказать, на каждый пунктъ исторіи имѣетъ множество изслѣдованій, рисующихъ его съ разныхъ точекъ зрѣнія. Труды западной науки по отношенію къ Византіи страдаютъ тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что они совершались подъ вліяніемъ того мрачнаго взгляда на Византію, который высказанъ мною выше; который прочно утвердился на западѣ, и который полностью воспринять нашу литературу. Отъ того-то нерѣдко и случается, что масса комментаріевъ, сдѣланныхъ по изысканію подлинности и настоящаго вида того или другаго событія, вмѣсто упрощенія дѣла лишь запутываетъ его, вмѣсто пролитія свѣта только сгущаетъ тьму. Я думаю, что для того, чтобы трудъ по исторіи Византіи (какъ и всякаго другаго, живущаго особою жизнію, общества) былъ по возможности правдивымъ и соотвѣтствовалъ предмету изслѣдованія, нужно его и предпринимать, и совершать съ точки зрѣнія того идеала, которымъ жила сама Византія; нужно на время отрѣшиться отъ своихъ собственныхъ мнѣній и полностью воспринять этотъ идеалъ, сродниться съ нимъ, пожить имъ. Я думаю, что въ подобномъ требованіи заключается не болѣе, какъ и въ извѣстномъ положеніи: *audiatur et altera pars*. Притомъ же, такимъ путемъ яснѣе можно познать самый идеалъ и вѣрнѣе оцѣнить его въ сравненіи съ другими, теперь дѣйствующими въ исторіи христіанства, силами — католичествомъ и протестантствомъ.

Итакъ, каковъ же идеаль Византіи о царѣ и земномъ царствѣ, чтобы, по сравненію его съ идеаломъ церкви, по воззрѣнію тѣхъ же византійцевъ, можно было видѣть долженствующія и проявляшіяся въ жизни отношенія между церковною и гражданскою властію?

Премудрость Божія чрезъ Премудраго говоритъ: мною цари царствуютъ и повелители узаконяють правду (Притч. 8, 15). По слову апостола Павла, нѣтъ власти не отъ Бога: существующія же власти отъ Бога установлены. Начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся: ибо онъ не напрасно носитъ мечъ; онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое (Римл. 13, 1. 4). Премудрость и истина Божія, открытая еще въ Ветхомъ завѣтѣ, вполне же и окончательно раскрытыя Самою воплотившеюся Мудростію—Сыномъ Божиимъ, стала, по признаніи римскимъ государствомъ христіанской религіи единственно истинною, Божественною и откровенною религіей, идеаломъ царя, стремящагося царствовать по правдѣ и истинѣ и заботящагося о благѣ своихъ подданныхъ. Евсевій Памфиловъ въ своемъ „Похвальномъ словѣ царю Константину“ говоритъ, что правитель цѣлаго міра есть второе лице Пресвятыя Троицы — Слово Божіе, „проходящее на всемъ, чрезъ все и во всемъ видимомъ и невидимомъ. Отъ Него-то и чрезъ Него заимствуетъ образъ верховнаго царствованія самъ другъ Божій, нашъ царь (Константинъ), и всѣмъ, что на землѣ подчинено его

кормилу, управляетъ, подражая Всеблагому“ (¹). „Отъ этого всеобъемлющаго Разума онъ разуменъ, отъ этой Мудрости—мудръ, отъ причастія этому Благу—благъ, отъ общенія съ этою Правдою—праведенъ, по идеѣ этой Умѣренности—умѣренъ, отъ пріятія этой высочайшей Силы — мужественъ. Истиннымъ царемъ, по всей справедливости, надобно называть того, кто образовалъ свою душу царскими добродѣтелями, по образцу царства высочайшаго“ (²). Пусть этотъ идеаль царя, начертанный Евсеіемъ, есть не болѣе, какъ леть придворнаго епископа своему властелину; пусть Константинъ въ своей дѣятельности далеко не соотвѣтствовалъ этому идеалу; но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно признать и то, что такой идеаль царя могъ начертать только христіанинъ и епископъ, и что, примѣняя этотъ идеаль къ Константину, Евсеій напередъ зналъ, что такой идеаль царя будетъ угоденъ его владыкѣ. А если такъ, то его похвальное слово въ такой же мѣрѣ можетъ быть названо льстивымъ, какъ и наставительнымъ, и трудно опредѣлить, которую изъ этихъ сторонъ слѣдуетъ признать за дѣйствительность: свобода духа можетъ проявляться также въ любовномъ просвѣтленіи ближняго, какъ и въ обличеніи его. Самъ Константинъ имѣлъ такое же понятіе о царѣ и его обязанностяхъ, какъ и восхвалитель его, Евсеій. Онъ неоднократно, почти при всякомъ удобномъ случаѣ, называетъ себя „служителемъ

(¹) Евсеій, Похв. слов. Констант., гл. 1.

(²) Тамъ же, гл. 5.

Божіимъ“ и „сслужителемъ епископовъ“, получившимъ власть отъ Бога для того, чтобы „воспитываемый подъ его вліяніемъ родъ человѣческой призвать на служеніе священнѣйшему закону и, подъ руководствомъ Высочайшаго Существа, возрастить блаженнѣйшую вѣру“; чтобы подавлять зло и карать преступленіе, и, напротивъ, чтобы всячески содѣйствовать благу и водворенію мира въ средѣ своихъ подданныхъ (¹). Этотъ идеаль царя, заимствованный изъ Божественнаго откровенія, сдѣлался достояніемъ римско-византійскаго государства и былъ единогласно проповѣдуемъ всѣми послѣдующими церковными писателями, когда ихъ наводилъ на то случай. „Мы, говоритъ бл. Августинъ въ своемъ классич. твореніи „о градѣ Божіемъ“, называемъ христіанскихъ государей счастливыми, если они управляютъ справедливо; если окруженные лестью и крайнимъ низкопоклонствомъ не превозносятся, но помнятъ, что они люди; если употребляютъ свою власть на распространеніе почитанія Бога и на служеніе Его величію; если боятся, любятъ и чтутъ Бога; если любятъ болѣе то царство, въ которомъ не боятся имѣть сообщниковъ; если медлятъ наказаніями и охотно милуютъ; если самыя наказанія эти употребляютъ какъ необходимыя средства для управленія и храненія государства, а не какъ удовлетвореніе своей ненависти къ врагамъ; если и помилованіе изрекаютъ не для того, чтобы оставить неправду безнаказанною, а въ надеждѣ исправленія; если въ томъ

(¹) Евсевій, Ж. Конст. в. II, 28; Optatus, de schism. l. I. c. 27, сн. Migne, patr. t. VIII, col. 483—485 ser. lat. Дѣян. вс. соб. I, стр. 181. 203, и друг.

случаѣ, когда обстоятельства вынуждаютъ ихъ произнести суровый приговоръ, они смягчаютъ его милосердіемъ и благотворительностію; если обстановка и родъ ихъ жизни тѣмъ скромнѣе, чѣмъ болѣе могли бы быть роскошными; если они лучше желаютъ господствовать надъ дурными наклонностями, чѣмъ надъ какими бы то ни было народами, и дѣлаютъ все это не изъ желанія пустой славы, а изъ любви къ вѣчному счастью; если не пренебрегаютъ приносить Богу за грѣхи свои жертву смиренія, сожалѣнія и молитвы“ (¹). Св. Кирилль александрійскій писалъ въ своей защитительной рѣчи къ императору Θεодосію: „вышненнымъ и великимъ свойственно имѣть снисходительность. И дѣйствительно, это незлобіе, эта снисходительность принадлежатъ Высочайшему Божественному естеству; а въ слѣдъ и по примѣру Его— и вашему величеству, христоролюбивѣйшіе императоры. Поистинѣ, вы нѣкоторый образъ и подобіе небеснаго царства; вамъ однимъ досталось въ удѣлъ господствовать надъ всѣми, сохранять и оберегать своихъ подданныхъ страхомъ и кротостію, и изливать на всю вселенную славное и мирное благоденствіе“ (²). Тѣже самыя воззрѣнія на царя и царство, но только съ гораздо большею подробностію и обстоятельностью, проводитъ въ своемъ „Изложеніи увѣщательныхъ главъ“ или статей (*ἐκθεσις κεφαλαίων παρανετησών*),

(¹) О градѣ Божіемъ, кн. V. гл. 24. Любопытно здѣсь снести мнѣнія самого же Августина, выраженные имъ въ полемикѣ противъ донатистовъ: с. lit Petilianı, l. II. § 210; с. Gaudent. Donat.; ep. 185 ad Bonifac. etc.

(²) Дѣян. всел. соб. Казань, 1861 г. II, стр. 264.

посвященномъ императору Юстиніану великому, и діаконъ Софійской константинопольской церкви, Агапий. Я не буду излагать содержаніе этихъ главъ или статей: излагать кратко ихъ содержаніе значитъ повторять то, что уже сказано; излагать подробно значитъ выписывать ихъ почти всё, что выходитъ изъ предѣловъ рѣчи. Замѣчу только, что каждая изъ этихъ главъ или статей покоится на томъ или другомъ мѣстѣ Божественнаго откровенія и представляетъ его раскрытіе. Императоры принимали этотъ образъ царя, какъ единственно истинный и правильный образъ, и подобное свое воззрѣніе на него, обыкновенно, выражали въ изложеніи мотивовъ къ изданію вызываемыхъ обстоятельствами разныхъ грамотъ, эдиктовъ и т. п.

Если теперь мы сравнимъ этотъ образъ земнаго царя и царства съ образомъ духовнаго царства — церкви и ея служителей, какъ онъ понимается восточною или византійскою церковію (я не излагаю этотъ образъ церкви, предполагая его извѣстнымъ православнымъ слушателямъ); то, при всемъ ихъ различіи со стороны цѣли, устройства и другихъ сторонъ, мы усматриваемъ между ними существенное сродство, которымъ опредѣляются отношенія между представителями государства и церкви принципиально, въ ихъ генетической связи съ идеалами тѣхъ и другихъ. Это отношеніе между ними, по генетической связи обоихъ разсматриваемыхъ идеаловъ, можетъ быть не иное какое-либо, какъ только согласное, — согласное, не въ смыслѣ договора или конкордата, представляющаго *modus vivendi*, какъ пунктъ вре-

меннаго соглашенія двухъ, утомленныхъ борьбою силъ, а въ смыслъ духовнаго единенія православнаго царя съ его подданными, составляющими православную церковь, — въ смыслъ единомыслия царя съ пастырями церкви. При такомъ пониманіи отношеній гражданской власти къ церковной не можетъ быть рѣчи ни о подчиненіи послѣдней первой, ни наоборотъ — первой послѣдней; напротивъ, здѣсь усматривается одинаковое подчиненіе представителей той и другой власти одной Богооткровенной истинѣ, твердость которой въ сознаніи вѣрующихъ зависитъ, по признанію самихъ императоровъ, „не отъ приказаній“, а „отъ разумнiя“ (1). Если епископъ оказываетъ повиновеніе распоряженіямъ императора, то не какъ епископъ, власть котораго, какъ епископа, проистекала бы отъ авторитета императорской власти, а какъ подданный, какъ членъ государства, обязанный оказывать повиновеніе Богомъ поставленной надъ нимъ предержашей власти; равнымъ образомъ, когда и императоръ подчиняется опредѣленіямъ священниковъ, то не потому, что они носятъ титулъ священниковъ и его, императорская, власть проистекаетъ отъ ихъ власти, а потому, что они священники *Божи*, служители

(1) Дѣянiя всел. соб. I, стр. 476. Слич. Тв. св. Аван. алекс. ч. 2. стр. 106, въ посл. къ пустыни. — Такимъ образомъ совѣсть сама въ себѣ, въ ея, такъ сказать, метафизическомъ бытіи, по сознанію какъ императоровъ, такъ равно отцевъ, раскольниковъ и еретиковъ (August. с. lit. Petilian; с. Gaudent. Donat. etc.), стоитъ внѣ дѣйствiя внѣшнихъ карательныхъ или приманчивыхъ мѣръ правительства. Въ этой сферѣ исцѣленіе и направленіе ея возможно лишь одними духовными средствами на чисто свободной почвѣ, внѣ влiянiя всякихъ принудительныхъ мѣръ, при одномъ лишь неуловимомъ дѣйствiи, со стороны людей, свободной воли и разумнiя, а со стороны Бога — Его благодати.

открытой Богомъ впръ, слѣдовательно — какъ членъ церкви, какъ человекъ, ищущій, подобно прочимъ людямъ, своего спасенія въ духовномъ царствѣ Божи-емъ — церкви, въ познаніи богооткровенной истины, въ истинномъ богопочтеніи. Такимъ образомъ, по византійскому воззрѣнію, въ вопросѣ объ отношеніяхъ между церковною и гражданскою властію рѣчь можетъ быть лишь о союзномъ ихъ дѣйствованіи, безъ подчиненія одной власти другой, — союзномъ дѣйствованіи, насколько оно опредѣляется свойствами одного и того же, признаваемого ими обѣими истиннымъ, принципа, а не такъ, чтобы лишь было тихо, да гладко, — съ уступками и компромиссами, извращающими самый принципъ. Такъ понимали это согласіе государственной власти съ церковною и сами императоры. Такъ, напр., императоры Θεодосій II и Валентиніанъ III въ грамотѣ къ Кириллу александрійскому и къ другимъ епископамъ областныхъ митрополій пишутъ: „состояніе нашего государства зависитъ отъ образа богопочтенія и у нихъ много общаго и сроднаго. Они поддерживаютъ одно другое, и каждое изъ нихъ возрастаетъ съ успѣхами другаго, такъ что истинное богопочтеніе свѣтится правдивою дѣятельностію, а государство цвѣтетъ, когда соединяетъ въ себѣ то и другое. Посему, поставленные Богомъ на царство, назначенные быть средоточіемъ благочестія и благополучія подданныхъ, мы всегда хранимъ союзъ ихъ неразрывнымъ, служа Промыслу и людямъ: Промыслу служимъ въ преспѣяніи государства, а подданныхъ, во всемъ, такъ сказать принадлежа имъ, устроаемъ въ благочестивой вѣрѣ и въ жизни, при-

личной вѣрующимъ. О томъ и другомъ стараемся, какъ должно. Ибо не возможно, присвоивая себѣ одно, не заботиться равно и о другомъ“ (1). Тотъ же самый взглядъ на отношенія между церковною и гражданскою властію, но только съ большею раздѣльностію и опредѣленностію, высказалъ императоръ Юстиніанъ въ предисловіи къ шестой новеллѣ: „Всевышняя благодать, говоритъ онъ здѣсь, сообщила человѣчеству два величайшіе дара: священство и царство (т. е. духовную власть и свѣтскую); то заботится объ угожденіи Богу, а это о прочихъ предметахъ человѣческихъ; оба же, происходя отъ одного и того же источника, составляютъ украшеніе человѣческой жизни. Поэтому, нѣтъ важнѣйшей заботы для государей, какъ благоустроеніе священства, которое съ своей стороны служитъ имъ молитвою о нихъ Богу. Когда и церковь со всѣхъ сторонъ благоустроена, и государственное управленіе держится твердо и путемъ законовъ направляетъ жизнь народовъ къ истинному благу, то возникаетъ добрый и благотворный союзъ церкви и государства, столь вождельный для человѣчества. Посему мы озабочиваемся и охраненіемъ православной вѣры и благоустроеніемъ священства, чѣмъ надѣемся получить великія блага и соблюсти твердый порядокъ въ государствѣ“. Этотъ взглядъ Юстиніана на отношеніе государства къ церкви, представляющій собою какъ бы завершеніе и окончательное формулированіе взглядовъ относительно того же самаго предмета предшествующихъ ему императоровъ и по-

(1) Дѣянія всел. соб. I, стр. 479—480.

ставленный имъ въ качествѣ исходнаго пункта своихъ мѣропріятій по дѣламъ церкви, былъ принятъ и неоднократно подтверждаемъ, при удобныхъ къ тому случаяхъ, и послѣдующими императорами, напр., Никифоромъ Вотаніатомъ, Алексѣемъ, Іоанномъ и Мануиломъ Комниными, Исаакомъ Ангеломъ. Равнымъ образомъ, отцы и учителя церкви, съ своей стороны, вполне приняли и одобрили этотъ принципъ отношеній государства къ церкви, выраженный Юстиніаномъ, и назвали его за это „государемъ мудрымъ и блаженнымъ изъ царей“. „Священникъ, по возрѣнію этихъ отцевъ, есть освященіе и укрѣпленіе императорской власти, а императорская власть есть сила и твердыня священства“ (1).

Не трудно теперь предвидѣть, какія слѣдствія вытекаютъ и, естественно, должны вытекать изъ очерченного возрѣнія на образъ земнаго царя и его царства, и его отношенія къ царству духовному—церкви и ея служителямъ. Слѣдствія эти отчасти можно видѣть уже и изъ того, что сказано. Пастыри церкви, слѣдуя наставленіямъ слова Божія (2), внушали вѣдующимъ возносить молитвы за царей и за всѣхъ начальствующихъ; воздавать каждому изъ нихъ должное; повиноваться имъ, не только изъ страха наказания, но и по совѣсти, не подобно рабамъ, но какъ свободнымъ, исполняющимъ свой долгъ какъ бы предъ

(1) Дѣян. всел. соб. Казань 1873. т. VII. стр. 202, дѣян. 3-е. Слич. *Ραλλη καὶ Ποιλη, συντ.* V. р. 545; Твор. св. Θεόδору Студ. Спб., 1867. ч. I, стр. 158—159, письма 16-е.

(2) Римл. 13. 1—5; 1 Тим. 2, 1—4; Тит. 2, 9; 1 Петр. 2, 13—19, и др. Притч. 24, 21—22; Дан. 4, 29; 2 Царств. 1, 44 и др.

лицемъ самого Бога, — повиноваться не однимъ добрымъ владыкамъ, но и суровымъ. Возмущеніе противъ власти есть возмущеніе противъ Божественнаго установленія и потому бунтовщики сами навлекають на себя осужденіе. На этомъ основаніи патріархъ Алексій (1025—1043) съ своимъ синодомъ издалъ, въ 1026 г., синодальное постановленіе (*τόμος*), подтверждающее анаѳемѣ измѣнниковъ и возмутителей, поднимающихъ оружіе противъ царей и употребляющихъ насилие. Императоръ Константинъ VIII Порфирородный (1025—1028) подтвердилъ-было его своею новеллою. Но оно осталось безъ дѣйствія⁽¹⁾; потому что анаѳема совершенно отлучаетъ отъ Христа, т. е. отчуждаетъ анаѳематствуемаго отъ Бога. Между тѣмъ возмущившійся противъ власти можетъ и не отрицать государственный порядокъ, какъ порядокъ, какъ Божіе установленіе, а возстаетъ противъ правителей, какъ беззаконниковъ, какъ не охранителей, а нарушителей божественнаго порядка. Здѣсь со зломъ смѣшано и добро. Слово Божіе представляетъ многочисленнѣйшіе примѣры, что въ подобнаго рода возмущеніяхъ обнаруживается судъ Божій на нечестивыхъ царей⁽²⁾. Далѣе, исходя изъ мысли, что *тлятъ обычаи благи беснды злы* (1 Кор. 15, 33) и что слово людей, отступившихъ отъ истины и сдѣлавшихся непотребными, распространяется подобно гангренѣ (2 Тим. 2, 17), отцы церкви и сами считали своею первѣйшею обя-

(1) *Ραλλη καὶ Ποτλη, συνταχμ.* III, р. 97. 103.

(2) 3 Царств. 11, 11. 28—39; 14, 7—16. 22—26; 15, 29—30; 16, 1—13; 21, 19—21; 22, 38; 4 Царств. гл. 9 и 10; Дан. 4, 27. и рд.

занностию избличить и осудить гибельное ученіе такихъ людей, и побуждали сдѣлать тоже самое и царей, выставя имъ на видъ при этомъ, что „безъ истиннаго благочестія, т. е. безъ истиннаго почитанія истиннаго Бога, никто не можетъ имѣть истинной добродѣтели“; что безъ процвѣтанія добродѣтелей не можетъ процвѣтать и государство; что поэтому въ защищеніи и сохраненіи правы вѣры невредимую заключается надежда успѣха во всѣхъ дѣлахъ и для самихъ царей; что ихъ служеніе Богу на благо человечеству заключается столько же въ споспѣшествованіи добру, какъ и въ устраненіи зла и обузданіи людей наглыхъ и нечестивыхъ, и что одно безъ другаго даже и быть не можетъ, безъ того и другаго не можетъ быть мира ни въ церкви, ни въ государствѣ. Мысль о необходимости охраненія вѣры посредствомъ законовъ государства столь присуща отцамъ церкви, что ее выражали и тѣ изъ нихъ, которые говорили императорамъ: не вмѣшивайся въ дѣла церкви; предоставь церковь священникамъ; не предписывай имъ законы: потому что наряду съ этими выраженіями тотчасъ же прибавляли: „лучше отъ насъ принимай ученіе“; „если долъше хочешь пропарствовать, будь покоренъ Богу“, „ты, императоръ, тѣмъ болѣе долъженъ слѣдовать совѣту священника, что никто не можетъ тебя къ тому принудить“, и т. п. Императоры внимали этой просьбѣ пастырей и считали своею непременною обязанностію охранять чистоту вѣры, полагая въ этомъ и свое благоугожденіе Богу, и спасеніе государства.

Когда отцы церкви обращались къ императорамъ съ просьбою объ утвержденіи ихъ вѣроисповѣдныхъ постановленій и объ охраненіи чистоты вѣры отъ неправомыслия еретиковъ, и императоры давали санкцію ихъ опредѣленіямъ; то и тѣ и другіе поступали такъ вѣдше не изъ сознанія того, что истина Божія и связанное съ нею истинное богопочтеніе, разсматриваемыя сами въ себѣ безъ отношенія къ человѣческому роду, имѣли нужду въ санкціи и поддержкѣ императорскаго авторитета: въ этомъ отношеніи какъ отцы церкви, такъ и императоры одинаково были убѣждены, что истина въ себѣ самой заключаетъ основу для своего бытія; что бытіе ея вѣчно, какъ вѣченъ самъ Богъ, и что скорѣе небо и земля мимоидутъ, чѣмъ словеса Господни. Идея необходимости утвержденія и охраненія чистоты вѣры императорскимъ авторитетомъ вытекала изъ идеи устроенія временнаго и вѣчнаго благополучія человѣческаго рода, изъ того, какимъ образомъ образовать временное счастье людей и дать имъ возможность достигнуть вѣчнаго блаженства, какъ воспитать и возрастить въ людяхъ все, что въ нихъ есть хорошаго и добраго, и, наоборотъ, подавить въ нихъ все звѣрское и порочное. Съ этой стороны необходимость императорскаго авторитета въ дѣлѣ охраненія чистоты вѣры сознавалась всеми; но на практикѣ примѣненіе этой идеи всякій разъ сопровождалось величайшими затрудненіями и запутанностію обстоятельствъ. И причина этого заключается въ самой сущности дѣла.

По наблюденіямъ величайшихъ и гениальныхъ мужей въ исторіи человѣчества, „дѣйствительные любии-

тели истины вообще рѣдки“ (1). Относительно познания Христовой истины, одинъ изъ великихъ отцевъ церкви (2) замѣтилъ: „многіе не такъ легко и удобно принимаютъ таинство Христа; ученіе о Немъ чрезвычайно глубоко; даже люди особенно сильные умомъ и непрестанно изучающіе писанія, едва познаютъ Его, и то только какъ-бы въ зеркалѣ и гаданіи“ (3). Сонмъ пастырей церкви повсюду и всегда заключался въ средѣ своей не только истинныхъ пастырей, готовыхъ положить душу за овецъ, но и наемниковъ, оставляющихъ стадо при видѣ первой опасности,—и даже болѣе—волковъ въ овечьей кожѣ, вмѣсто охраненія—расхищающихъ ввѣренное имъ стадо. Съ другой стороны, и цари были не только мудрые и добрые, но и недалъновидные, увлекающіеся порывами своихъ страстей и не могущіе отличить правды отъ замаскированной лжи. Нерѣдко и опытные, и мудрые государи вводимы были въ обманъ. Вслѣдствіе такого положенія вещей, весьма естественно, что и между пастырями церкви, и между ихъ пасомыми, частію по недоразумѣнію или по неспособности проникнуть въ тайну откровеннаго ученія, частію же по примѣсанію къ этому еще постороннихъ, личныхъ и нечистыхъ побужденій, происходили расколы и раздѣленія. Въ этихъ случаяхъ каждая изъ борющихся сторонъ обращалась къ императору съ просьбою утвердить себѣ ученіе, какъ истинную вѣру Христову, и оградить ее отъ насилій противной стороны. Было бы величай-

(1) Дѣян. всел. соб. I, стр. 199. Снес. тамже, стр. 253.

(2) Кириллъ александрійскій.

(3) Дѣян. всел. соб. II, стр. 269—270.

шею ошибкою думать, что ересь, по тому самому, что она ересь, заключаетъ въ себѣ такую колоссальную ложь, что она должна быть очевидна для всякаго. Кроме того, что по сознанию самихъ отцевъ церкви ⁽¹⁾, „не все то, что только говорятъ еретики, тотчасъ же нужно отвергать или удаляться отъ этого; ибо они много исповѣдуютъ такого, что признаемъ и мы“, православные ⁽²⁾, — самая еретическая разность въ ихъ воззрѣніи обыкновенно обставляется такими аргументами, что и развитымъ умамъ можетъ казаться наиболѣе правильною и справедливою. При такомъ отношеніи къ познанію религіозной истины, свойственномъ всему человѣческому роду, и при сознаніи, присущемъ и вообще всѣмъ членамъ одного государства, а правящимъ классамъ его въ особенности, — что цари поставляются царями не однихъ только православныхъ или еретиковъ, но тѣхъ и другихъ одинаково, императоры, въ приложеніи своихъ мѣропріятій, держались правила — „приспособляться ко всѣмъ (своимъ подданнымъ) и, подобно врачу, подавать каждому потребное для его спасенія, такъ чтобы спасительное ученіе славилось у всѣхъ и по всему“ ⁽³⁾. Но уже самое примѣненіе этого правила требуетъ, чтобы императоръ, подобно врачу, и болѣзнь сознавалъ, и имѣлъ понятіе о здоровомъ состояніи, — иначе говоря, онъ необходимо долженъ рѣшительно стать на ту или другую сторону, признать за истинную непорочную вѣру Христову исповѣданіе православной или ерети-

⁽¹⁾ Напр., Кирилла александрійскаго.

⁽²⁾ Дѣян. всел. соб. II, стр. 402.

⁽³⁾ Дѣян. всел. соб. I, стр. 199.

ческой стороны, смотря по тому, которое изъ этихъ двухъ исповѣданій покажется ему наиболѣе истиннымъ. На практикѣ такъ дѣйствительно и случилось: императоры давали санкцію своего авторитета опредѣленіямъ не только православныхъ епископовъ, но и еретическихъ, и даже, при возникновеніи каждой новой ереси, такъ обыкновенно случалось, что ересь-то собственно первоначально и обрѣтала покровительство государственнаго правительства. Но всякій разъ государство, объявляя свое покровительство ереси и вмѣстѣ съ тѣмъ производя свойственное духу времени давленіе на православныхъ, оказывало это покровительство ереси не какъ покровительство именно ереси, но какъ подлинному и чистому ученію Христову, и императоры, покровительствующіе ереси, были вполне убѣждены, что они находятся въ союзѣ съ истинною церковію, слѣдуютъ вѣроопредѣленіямъ православныхъ епископовъ и защищаютъ подлинную вѣру Христову, отъ цѣлостнаго соблюденія которой зависитъ какъ собственное благоугожденіе Богу и спасеніе вѣрующихъ, такъ и сохраненіе, возрастаніе и процвѣтаніе самаго государства. Напр., блаженный Августинъ объ императорѣ Валентѣ, сильно покровительствовавшемъ аріанамъ и жестоко преслѣдовавшемъ православныхъ, замѣчаетъ, что „онъ желалъ лучше быть членомъ церкви, чѣмъ царствовать на землѣ“ (1). Подобное же слѣдуетъ сказать и о другихъ, покровительствовавшихъ ереси, императорахъ. У церковныхъ писателей, заслуживающихъ всякаго уваженія и съ точки зрѣнія

(1) Август., о градѣ Божіемъ, кн. V, гл. 26.

православной⁽¹⁾, находятся замѣчанія, что императоры - еретики покровительствовали ереси потому, что были обмануты еретиками. Эдикты еретичествующих императоровъ показываютъ, что они ратовали, по ихъ сознанию, за истинное благочестіе и чрезъ это думали быть тѣмъ болѣе въ тѣсномъ союзѣ съ церковію⁽²⁾.

(1) Напр., у Григор. Богосл., Елифанія и др.

(2) Вотъ этотъ-то пунктъ и составляетъ истинный камень преткнущій (едва ли когда либо и устранимый) въ примѣненіи мѣръ государственной власти по религіознымъ вопросамъ. Общее сознание было то, что открытая Христомъ религіозная истина, т. е. церковь сама въ себѣ, даетъ крѣпость и миръ человѣческимъ обществамъ; она—цементъ, сплочивающій человѣческія общества; она даетъ значеніе и всѣмъ прочимъ человѣческимъ знаніямъ въ ихъ примѣненіи къ общественной жизни; безъ проникновенія ею эти знанія могутъ быть обращены во вредъ, къ разрушенію общественнаго порядка. Корни растений расторгаютъ и скалы, когда проникаютъ въ нихъ: превратныя ученія и тѣсно связанная съ ними преступленія, пронизывая какой бы то ни было общественный организмъ, разрушаютъ его. Такимъ образомъ правительство, воспрещая ересь, обуздывая еретиковъ и ихъ пропаганду, и тѣмъ самымъ охраняя церковь, т. е. общество истинно и право вѣрующихъ, находящихся въ государствѣ, вмѣстѣ съ этимъ охраняетъ и себя; отказываясь вліять на совѣсть саму въ себѣ (хотя въ дѣйствительности иногда вліяетъ на нее и своими чисто внѣшними средствами), оно, по своей обязанности, хочеть считаться съ ея проявленіями и относить ихъ къ разряду добрыхъ или злыхъ, полезныхъ или вредныхъ для общественнаго порядка; ограничивая или карая проявленія злой совѣсти и воли, оно здѣсь практикуетъ обычное свое право. На упрекъ, что все-таки караются вѣрованія, которыя по самому существу своему не могутъ быть исправлены карами, можно отвѣтить тоже, что нѣкогда отвѣтилъ Августинъ на подобный же упрекъ донатистовъ: «кто не похвалить законы, которыми императоры воспрещаютъ языческія жертвоприношенія даже подъ страхомъ смертной казни? Не согласны ли съ этимъ и сами донатисты» (ep. 93 ad Vincent. Donat. § 10)? Подобный же вопросъ можно сдѣлать и теперь: не достойны ли похвалы законы правительства, воспрещающіе сожженіе женъ на могилахъ мужей? карающіе проповѣдованіе убійствъ для какихъ бы то ни было цѣлей? и т. п. Итакъ, при обсужденіи вопроса, о которомъ здѣсь рѣчь, нужно отличать совѣсть, волю и разуміе человѣка сами въ себѣ (въ ихъ внутреннихъ законныхъ или незаконныхъ движеніяхъ) отъ ихъ проявленій во внѣ, съ которыми обязано считаться правительство, и съ этой точки зрѣнія смотрѣть на разные возгласы, попреки, уличенія въ непослѣдо-

Такимъ образомъ еретичествоующіе императоры держались въ своихъ отношеніяхъ къ церковной власти того же самаго принципа, какъ и православные императоры, и если мы теперь съ точки зрѣнія, определяемой идеей православія и возвышающейся надъ временемъ, можемъ назвать ихъ дѣйствія по отношенію къ православнымъ іерархамъ нарушеніемъ принятаго тогда принципа отношеній, то—такимъ нарушеніемъ, которое показываетъ, что самый принципъ и существовалъ, и постоянно былъ проявляемъ. Эти нарушенія суть не болѣе, какъ отрицательная сторона одного и того же реализующагося въ обществѣ принципа,—сторона, столь обычная и даже неизбежная при реализаціи всякаго, и въ какомъ бы то ни было обществѣ, широкаго и жизненнаго принципа.

Апостолы отвѣтили священникамъ и начальникамъ іудейскимъ, требовавшимъ отъ нихъ, чтобы они не говорили и не учили о имени Іисуса: судите, справедливо ли предъ Богомъ слушать васъ болѣе, нежели Бога (Дѣян. 4, 19)? Этотъ отвѣтъ апостоловъ послужилъ образцомъ того, какъ должны вести себя православные, когда императоры принимали сторону еретиковъ и своими узаконеніями дѣлали ересь обя-

вительности, въ превышеніи правъ и т. п. какъ со стороны православныхъ, такъ и еретиковъ, раскольниковъ, даже язычниковъ. А въ этой послѣдней сферѣ, т. е. въ сферѣ проявленій разумѣнія, совѣсти и свободы весь вопросъ сводится къ тому, что, когда, гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ, въ какой степени и мѣрѣ признавалось вреднымъ и недопустимымъ. Практическое рѣшеніе этихъ вопросовъ получалось и получается лишь послѣ долгой борьбы, тяжелаго и дорого стоящаго опыта (ибо нарушеніе законовъ природы, положенныхъ Творцомъ ея въ основу какъ физическаго, такъ и нравственнаго ея порядка, неизбежно сопровождается жестокими карами). Въ виду этой-то трудности ихъ рѣшенія и слѣдуетъ относиться къ рѣшителямъ ихъ спокойнѣе и объективнѣе,

зательною для всѣхъ своихъ подданныхъ, какъ истинное православіе. „Начальникъ нашего исповѣданія, говорили въ этихъ случаяхъ православные императорамъ, между прочими узаконеніями, повелѣваетъ намъ и повиноваться всякому начальству, до тѣхъ поръ, пока это повиновеніе будетъ полезно для души; когда же становится неполезнымъ, тогда изъяснители божественныхъ законовъ повелѣваютъ быть смѣлыми и предъ вашею верховною властію... Они сами считали это высшею добродѣтелію и поставляли въ этомъ особенную для себя честь и до сихъ поръ постоянно внушаютъ намъ: *глаголахъ предъ цари и нестыдяхся* (Псал. 118, 46), и такимъ образомъ побуждаютъ подражать (имъ) въ подобныхъ случаяхъ“. Въ случаѣ утвержденія приговоровъ и опредѣленій еретиковъ, „мы, съ подобающею христіанамъ ревностію, всѣ готовы подвергнуться всякой опасности и мужественно испытать всякія несчастія“ (1). Св. Григорій Богословъ говоритъ: „воинствованіе свое за Христа мы доказываемъ тѣмъ, что сражаемся, подражая Христу, Который мирень, кротокъ и понесъ на себѣ наши немощи; не заключаемъ мира во вредъ ученію истины, уступая что-нибудь ради славы именоваться снисходительными (не достигаемъ добра худыми средствами), и соблюдаемъ миръ, сражаясь законно, не выступая изъ предѣловъ и правилъ Духа“ (2). Но подобнымъ же языкомъ говорили и еретики и расколь-

(1) Дѣян. всел. соб. т. I, стр. 888—889. Теодоритъ, Церк. Ист. кн. II, гл. 27.

(2) Дѣян. вс. соб. I, стр. 244. Тв. св. Григ. Бог. Москва, 1844 г. ч. IV, стр. 36.

ники, когда православные императоры, покровительствуя церкви, воздвигали на них гонение,—и еретики утверждали, что они скорѣе готовы подвергнуться всѣмъ родамъ мученій, чѣмъ выбросить или переменить даже одно только слово въ своемъ ученіи, которое они считали истиннымъ, и войти въ общеніе съ православными, на которыхъ они смотрѣли, какъ на чадь сатаны (¹). Такимъ образомъ возникала борьба, среди которой истина для людей разумнѣйшихъ и жаждущихъ истины ради нея самой болѣе и болѣе выяснялась; ибо безъ этой жажды истины ради нея самой, безъ чувства правды, любви къ ней и цѣненія ея выше всего земнаго и временнаго, даже самой жизни, — присущихъ въ большей или меньшей мѣрѣ всему человѣческому роду, а высокимъ, одухотвореннымъ и подарившимъ въ себѣ страсти личностямъ— въ особенности, — немислимо было бы ни воспріятіе открытой Богомъ истины, во многихъ отношеніяхъ такъ рѣзко проговорѣвающей разнымъ временнымъ взглядамъ и воззрѣніямъ, ни сохраненіе ея; даже самая религія была бы невозможна. Когда принципъ данъ и лучшими людьми воспринять, онъ можетъ, при дѣйствующей въ немъ силѣ Божіей, быть переданъ потомству и сохраненъ имъ: борьба мнѣній въ этомъ случаѣ лишь уясняетъ его. Въ теченіе этой-то борьбы, пока возбужденный вопросъ выяснялся какъ самъ въ себѣ, такъ и по отношенію къ прежде него рѣшеннымъ и принятымъ истинамъ, православные и клеймили императоровъ „Навуходоносорами“, „Валтасарами“, „Ахаавами“ и т. п. именами, и совѣтовали

(¹) Феодоритъ, Церк. Истор. кн. 1, гл. 5.

имъ не вмѣшиваться въ дѣла церкви, когда они, покровительствуя ереси, гнали православныхъ, равно какъ и еретики дѣлали съ своей стороны тоже самое, когда императоры преслѣдовали ихъ и покровительствовали православію. Временное и личное въ этихъ возгласахъ и совѣтахъ, обусловленное настроеніемъ минуты, тягостю, раздраженіемъ и вообще положеніемъ гонимаго лица, мы съ большею или меньшею точностію можемъ отдѣлить отъ того, что въ нихъ опредѣляется сущностію предмета и потому имѣетъ общее значеніе, тотчасъ же, какъ только примѣнимъ къ нимъ ясный и строгій анализъ, освѣщенный общемою идеей, лежащею въ основѣ разбираемыхъ явленій, и руководствуемый ею. По примѣненіи указаннаго мною метода на дѣло изслѣдованія данныхъ исторіи, византійскіе императоры явятся предъ нами далеко не такими чудовищами, — покровителями и представителями темной злой силы, деспотами, руководствующимися лишь однимъ произволомъ, опредѣляемымъ настроеніемъ духа въ данную минуту, — какъ это обыкновенно принято ихъ изображать; напротивъ, мы увидимъ въ нихъ и людей, и христіанъ, и правителей христіанскихъ, стремящихся, по мѣрѣ своихъ силъ, осуществить на практикѣ христіанскій идеалъ государя. Равнымъ образомъ и Византія вообще выступитъ предъ нами далеко не царствомъ тьмы, предназначеннымъ къ тому, чтобы въ вѣчной борьбѣ съ нимъ поддерживался и развивался животворящій свѣтъ запада; она явится царствомъ обычныхъ людей, въ которомъ среди борьбы добрыхъ и порочныхъ его членовъ, праведниковъ и высокоумныхъ грѣшниковъ, раскрывалась и уяснялась Христова истина, реали-

зирвалось царство Божіе — идеаль Христовой церкви. Императоры, не смотря на всѣ свои ошибки, которыми они, какъ люди, подвергались, оказали великое и благотворное вліяніе какъ на уясненіе Христова ученія въ средѣ своихъ подданныхъ, такъ и на проявленіе его во внѣ, въ жизни общественной и частной: ихъ авторитетъ, простирающійся на всѣхъ подданныхъ и почитаемый ими священнымъ, — самъ по себѣ безсильный, да и непретендующій на то, чтобы утверждать и проводить, какъ аксіому, мысль, что узаконяемая имъ религіозная истина — истинна потому, что имъ узаконяется и отъ него какъ бы истекаетъ, — силенъ и дѣйственъ былъ въ томъ отношеніи, чтобы заставить очнуться, если не всѣхъ, то большую часть своихъ подданныхъ, придти въ себѣ и посмотреть, что въ ихъ желаніяхъ правильного и законнаго и что покоится на возбужденіи страстей, — силенъ и дѣйственъ былъ въ обузданіи и устраниеніи самолюбія и другихъ мелкихъ личныхъ страстей между іерархами и тѣмъ самымъ въ сохраненіи мира и единства церкви. Въ этомъ отношеніи отцы церкви справедливо усвояютъ авторитету императоровъ великое значеніе для церкви, называя ихъ утвердителями православія, охранителями вѣры и т. п., и нужно имѣть крайнее пристрастіе, чтобы считать заслуживающимъ порицанія все, къ чему такъ или иначе прикосновенъ императорскій авторитетъ. Но здѣсь, въ качествѣ возраженія на высказанное мнѣніе о значеніи византійскаго императорскаго авторитета для церкви, самъ собою напрашивается современный догматъ, почитаемый теперь выше всякихъ другихъ догматовъ и служащій одною изъ причинъ, почему порицается все

византійское, — что свобода слова, свобода совѣсти и всякая другая *внѣшняя* свобода сама по себѣ, безъ всякаго вмѣшательства императорскаго авторитета, и выяснила бы истину, и сохранила бы единство церкви, и притомъ все это случилось бы въ несравненно лучшемъ видѣ. Оставляя безъ разсмотрѣнія вопросъ, состоятеленъ ли самъ въ себѣ этотъ современный догматъ и насколько состоятеленъ, пока замѣчу только, что, — кромѣ неимѣнія за собою историческаго опыта, который доказывалъ бы безусловную его непогрѣшимость, — кромѣ того, что доселѣ еще не обрѣлось такой страны, въ которой онъ нашелъ бы полное примѣненіе, — къ византійцамъ онъ непримѣнимъ, въ современной его формѣ, уже по тому одному, что, хотя въ общемъ видѣ онъ и былъ признаваемъ и проповѣдуемъ ими, но съ такими ограниченіями и оговорками, которыя ставятъ ихъ въ иное, отъ настоящаго, положеніе и которыя, — еще вопросъ? — говорятъ ли болѣе въ осужденіе византійцевъ и въ оправданіе современнаго взгляда, или же — наоборотъ. Исторія должна показывать событія въ томъ видѣ, какъ они случались — со всѣми ихъ добрыми и дурными сторонами, а не судить о нихъ по тому, что считается модною истиною въ настоящее время. Эта исторія, дѣйствительно, можетъ быть и поучительною, и назидательною. Таковъ мой взглядъ на избранный мною предметъ! Вѣренъ ли онъ? правиленъ ли методъ, которымъ я руководился? и вообще — имѣетъ ли какую либо цѣнность мой трудъ? — о томъ скажутъ мои достопочтенные оппоненты, которымъ теперь принадлежитъ слово.